

Евгений Буянов

**УЛЫБКА
НА ТРОПЕ**

Евгений Буянов

Улыбка на тропе

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176868

Аннотация

Короткие походные истории, юморески и шутки.

Содержание

Сборник «Дорога»	4
Вело рюкзак	4
Излишний вес	7
Е.В.Буянов, А.Н.Соболев	15
Е.В. Буянов	21
«Ош-билетчивание»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Евгений Буянов

Улыбка на тропе

Сборник «Дорога»

Вело рюкзак

(Туристские истории)

«Обычный» рюкзак ведет свою родословную от простого мешка, в углы которого для утолщения вложены шишки или куски тряпки, а ляжки выполнены из веревки, охватывающей горловины этих углов (над утолщениями) и стянутую горловину широкого верхнего отверстия. В отличие от этого «прарюкзака», современный велорюкзак ведет свою родословную от солдатских штанов-бриджей «под сапоги» с пришитой сверху матерчатой «покрышкой» – откидным клапаном широкого верхнего отверстия. Клапан достаточно было пришить по задней стороне брюк вдоль пояса, а под стрипки ремня закладывалась стягивающая веревка или резинка для разгрузки крепления клапана. Оно с боков и сзади за-

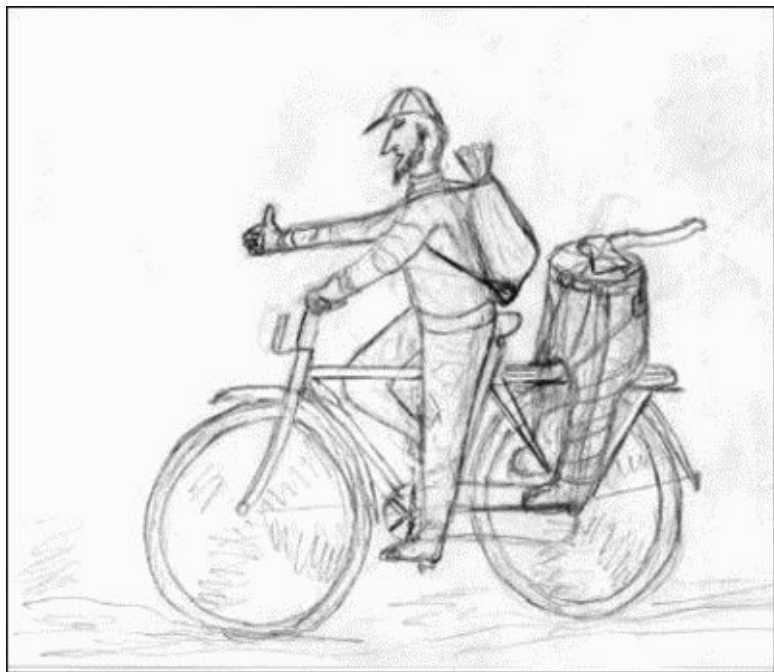
мыкало клапан застежкой-молнией. Низ штанин подгибали и прошивали с образованием канала, через который они легко фиксировались за выступы заднего колеса рамы велосипеда. Такой вело рюкзак «сажали» на заднее седло, закрепляли дополнительными ремешками и резиновыми тягами, и набивали его походным снаряжением вело туриста.

Но вот однажды путешественник, для облегчения своего велосипеда на время радиальной отлучки, снял велорюкзак-штаны, и спрятал их в придорожных кустах. При возвращении он увидел у своего «схрона» местную деревенскую бабу, случайно обнаружившую необычную «закладку». Та была вне себя от ужаса: представьте себе чувства пожилой женщины, нашедшей в лесу «половинку» человеческого тела.

Ну и страху накатило, – чуть кондрашка нехватила!

Велосипедисту стоило немалого труда успокоить ее. И только когда он извлек рюкзак-штаны из кустов и показал, что набит он не человеческим мясом, а мятыми «тряпками» вело туриста, она окончательно успокоилась, и чувство испуга постепенно уступило место здоровому смеху...

Рисуночек дает представление об истории обеих рюкзаков, – и обычного, и вело...

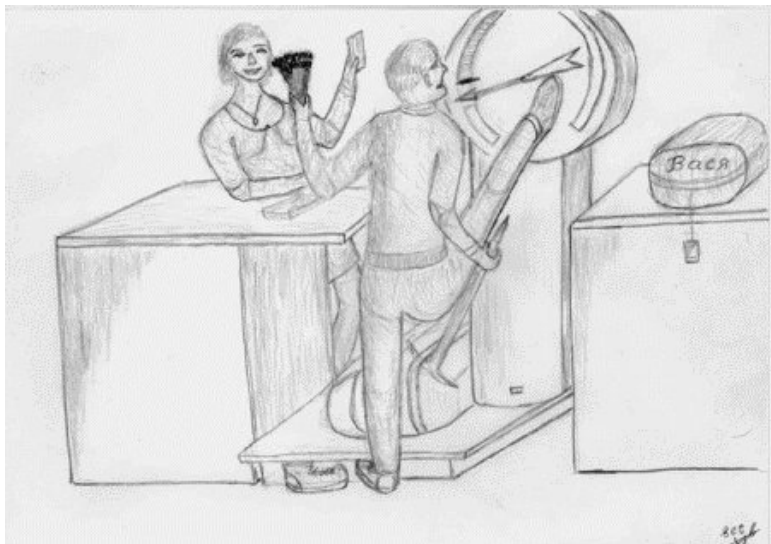
17.02.03.

Излишний вес

Излишний вес, он просто бес...

Чтоб он исчез, излишний вес!..

(Ю.Визбор)

К концу похода рюкзаки тощали вместе с их владельцами. А вот в начале похода они страдали от пищевого ожирения так, что их трудно было втиснуть в 30 кг аэрофлотовского лимита без дополнительной платы. Оплата эта по меркам советских инженерных зарплат была не слишком малой, потому от нее старались уйти доступными средствами.

– Коля, шеф велел как-то «облегчить» рюкзаки и жизнь для регистрации. Чтобы не потребовали доп. оплаты.

Лицо Коли Чегнева на несколько мгновений окаменело, а длинные, тонкие усы зашевелились, выдавая напряженную работу мысли, в которую включился весь коллектив...

– Весы «Цифирь-Блатные!» С «Цифирями» разберемся, коли «блат» поймеем.

Первая коллективная мысль была: перетасовать груз так, чтобы облегчить наиболее тяжелые рюкзаки, уравнив вес так, чтобы у всех было только небольшое превышение, – на перевес в 2–3 кг обычно внимания не обращали. Перетасовку сделали, но, – вот беда, – легких женских рюкзаков было мало, почти все перетягивали «за 40». Немного легче были только три женских рюкзака из 12-ти участников двух фанских походов «пятерок». «Перетряска» дала мало! У нашей группы перевес рюкзаков был и из-за того, что один участник с нами не ехал, а должен был присоединиться к нам в горах, – продукты мы везли на всех.

Появилась мысль присоединиться «на пару» к пассажирам с «дистрофичными» сумочками. Таких пассажиров на тот рейс в Душанбе тоже было немного, и еще меньше желающих участвовать в сомнительных махинациях с весом. Одного подходящего интеллигента Гарик, наш руководитель, нашел. При регистрации Гарик к небольшой сумочке этого товарища поставил в виде «довеска» свой рюкзак объемом без малого литров полтора и весом примерно в полцент-

нера. Рюкзак был таким, что когда Гарик шел под ним, сзади были видны только его ноги ниже колен, – все остальное, включая голову, рюкзак заслонял с огромным запасом. «Мы летим вместе», – кратко сказал он мрачноватым тоном, не терпящим возражений, и уперся в контролершу взглядом кристально честного человека. Против таких «аргументов» возражать было трудно, – номер «прошел», а рюкзак прошел на погрузку.

Еще частично удалось разгрузить рюкзаки за счет «ручной клади». Вообще эту ручную кладь весом до 5 кг следовало класть на весы вместе с основным грузом, – тогда ее вес учитывался, на нее вешали дополнительную бирку, с которой законно проносили в самолет. Суть простейшей махинации состояла в том, чтобы в ручную кладь с биркой после регистрации добавить дополнительный вес. Еще хитрее можно было объединить две клади в одну, а освободившуюся бирку подвесить на третью. Вот так мы снабдили «законной» биркой увесистый баульчик весом килограммов пятнадцать. Для конспирации мы назвали его «Вася». «Васю» тихо пронесли в самолет, при входе показав бирку стюардессе. Внимание молодых стюардесс от «ручной клади» (явно превышавшей лимит 5 кг) старались отвлекать «актуальными» вопросами о полете, самолетах, кормежке в пути, об аварийности в гражданской авиации, вызывающе-нагловатыми ухаживаниями, комплиментами, просьбами назвать имя и „дать телефончик“.

– Девушка, девушка, объясните, пожалуйста, что нам делать, если самолет вдруг упадет в воду?..

– Девушка, девушка, а вы знаете, что делать, если самолет упадет в горах на ледник. Могу объяснить. Я Вас устрою в своей палатке...

Со старшими женщинами так «финтить» было сложно, – они сразу напрягались, настораживались. Но и у них проявления «назойливости» вызывали нужную реакцию, желание «отвязаться» от клиента, не «связываться» с ним по-крупному...

Сущим «кладом» тогда, в июле 1978, явились неисправные весы. Эти весы у временно неработающей стойки мы использовали для предварительного взвешивания груза и заметили, что до веса в 27 кг они давали правильные показания. А вот после 27 кг они начинали врать, показывая все время те же 27 кг. Видимо, у них попало что-то под платформу, и они «садились на упор». Для предварительного взвешивания мы стали использовать другие весы. И вдруг увидели, что регистрация на наш рейс началась и у стойки с неисправными весами. Сейчас же встали к ней в очередь, чтобы «поймать» при регистрации рюкзаки весом 27 кг. Номер «прошел» вместе с большей частью наших рюкзаков. Не прошли только два последние, не самые тяжелые. Контролер заметила, что весы показывают один и тот же вес, и распорядилась оставшимся пассажирам пройти регистрацию у другой стойки.

Но опыт с неисправными весами пригодился. Позже научились класть рюкзаки на весы небрежно, – так, чтобы край торчал наружу. В этот край аккуратно «сабо-монтажники» упирались носком ботинка, приподнимая рюкзак вверх, так уменьшая показания весов (за неимением деревянного ботинка «сабо», запускаемого «саботажниками» в станок для его поломки, мы использовали обычный ботинок). Вместо ботинка в качестве рычага можно было использовать ледоруб или какой-то иной предмет-подпорку, на который ложилась часть веса... «Чистота» приема зависела от незаметности исполнения и от того, насколько быстро удавалось успокоить стрелку весов: колебания стрелки говорили о том, что «что-то не так». При этом желательно было отвлечь внимание контролеров разговорами и «общим базаром» всей группы у стойки.

«Большой базар» у стойки с «качанием прав» и технические диверсии с прокладками под платформу весов были небезопасны. Несмотря на то, что у нас и «по базару», и по технике саботажа имелись крупные специалисты. Не «любители» базара, а его профессионалы. За «большой базар» или техническое жульничество могли не пустить в самолет и привлечь за мелкое хулиганство. А вот «малый базар» с мягким упором на человеческие чувства, с байками об опасностях гор и походов, со скрытыми рыданиями о нищенской зарплате, голодных детях и «последней рубашке», которую отдал за билет, – такой базар был допустим, и являлся осо-

бым видом искусства...

Еще один простой прием уменьшения веса состоял в том, чтобы натянуть на себя побольше тяжелых вещей: надевали в самолет ботинки, пуховки, свитера, каски, вешали через плечо основные веревки. Запомнилось, как изрядно располневший Дрюня на контроле перед «отстойником-накопителем» брякнул на стол ледоруб и с хрустом растянул пуховку. Под пуховкой на обвязке блестел целый арсенал крючьев, веревок и карабинов, как будто он собрался лезть не в самолет, а, по меньшей мере, на Безенгийскую стену. От таких «толчков» обалдевшие контролеры сразу начинали догадываться: да, конечно, компания «самоубивцев», но делать «ето» будут «не на яроплане», а «в походном плане»...

Перевес двух рюкзаков килограммов на шесть пришлось, что делать, оплатить. Зато совесть у нас после этой операции была кристально чиста. За сколько тогда недоплатили, – за 150 или 200 кг, – так для нас и осталось загадкой.

Возникли сомнения, что наш ИЛ-18 сумеет взлететь с таким перевесом груза. Гарик решительно их пресек.

Полетели! Родной город провожал нас мириадами ночных огней, – эта картина навсегда ярко врезалась в память.

Но взяли с собой еще не весь походный вес. Бензин, сухофрукты, сахар и еще кое-что докупили в Душанбе (Бишкеке). Как мы таскали такие веса по горам, – непосвященным было неведомо, они не знали «секретов» подъездов и забросок. Тем более, непосвященным было неведомо, зачем мы

все это делаем...

Распределение груза перед выходом в поход. Высокий Алай, 1983.

Я сердце оставил в Фанских горах,
И пищу в них съел, что была в рюкзаках!..

В конце похода отощавшие рюкзаки набивали дынями до предельного веса. Химичить же с весом в состоянии усталости было просто лень.

Самый большой «перевес» я наблюдал позже, в 1988, на ТУ-154. После спас работ в Ленинакане в него напихали столько гору спасательного инструмента, включая сварочное оборудование! Груз никто не взвешивал. Долетели нормально. Крепкие у нас самолеты...

Позже аэрофлотовский лимит уменьшили до 25, потом до 20 кг. Но мы уже умели пробивать эти барьеры. Народ ушлый, – инженеры! – С весами и билетной бюрократией управиться – пара «пустых»!..

Излишний вес, – вот интерес:

Чтоб он пролез, – излишний вес...

Е.В.Буянов, А.Н.Соболев

«Мазай» и «зайцы»

(Туристские истории)

Проделки наглых туристов советских времен в пригородных электричках носили, по мнению контролеров и «жэ-дэ» начальства, вызывающий характер. Эти «бродяги» не только перегружали проходы в вагонах огромными рюкзаками, влезали в поезда через окна, горланили блатные песни под гитару. Многие из них вообще не признавали билеты. Они подделывали «новые» билеты путем изменения дат на «старых». Пользуясь «численным превосходством» компании туристов, вступали в длительные пререкания с контролерами, доводя дело до скандалов, а иногда и тихо отказывались платить штраф, вообще не отвечая на требования. Некоторые стремились «заговаривать» контролеров, задерживая и отвлекая от работы. Например, так:

– Девушка, а откуда Вы такая красивая? Девушка, а нельзя ли телефончик? Мне надо кое о чем с Вами договориться... Ну, сначала в ресторан, а потом, как у нас это... Как получится. В ресторане я, хо-хо, вполне платежеспособен...

Особые фантазеры начинали вранье «остряков-придур-

ков», вызывающее улыбки окружающих:

– Девушка, поверьте, прям катастрофа вышла. Из палатки украли все деньги! Только на минуту отвернулся, и – бах! Все вытащили, – и рубль и «треху». Вы знаете, я очень свояка подозреваю. Он, чуть что, «тройак» в зубы, – и в сельмаг за бутылкой! Хошь за десять «кило» через лес! Он во втором вагоне, Вы его по хитрой харе сразу узнаете...

Некоторые туристы убегали от контролеров в «свободную» дверь на остановках, и возвращались в вагон через другую дверь. А некоторые «шастали» и через соседние вагоны. Бывало, скандалы принимали дикие формы с откровенно хамским выпихиванием контролеров, в зажимании их дверями, и в затирании «толпою мрачной, стеною плотной»... Это случалось тогда, когда «входили в раж», – увлекались процессом, находя в нем интересное приключение для истребления дорожной скуки.

Конечно, особо крупные нарушения происходили при наличии нескольких «благоприятствующих» факторов: очень высокой концентрации «зайцев» в вагоне, при отсутствии милиции и наличии вожаков, – «настоящих буйных» (по словам Высоцкого). А также, конечно, при наличии «моральной» поддержки «буйных вожаков» со стороны «своих компаний» и остальных безбилетников вагона.

«Буйные вожаки» – особые любители такого рода «приключений». Люди решительные, авантюрные, и не всегда трезвые. Про одну из «таких», даму «горячую», знакомый

руководитель похода рассказывал коллеге, очень нуждающемуся в участнике для похода (для сложного похода надо было иметь не менее шестерых «с опытом»): «...Нужна участница тебе? Есть, туристка сильная, но... Уж очень баба базарная. Покоя не будет, приключений не оберешься. Обсуждать будет все, что можно, что ненужно!..» А тот: «Хрен с этим, тащи ее сюда, а то поход сорвется! Заодно и не соскучимся!..» В общем, «хватай мешки, вагон поехал под смешки!» Переругать она могла не менее десятка контролеров. Пылкая любовь к «базару» и талант крупный!

Случалось, что контролеров вообще не пускали в вагон, — подобное вытворяла и эта энергичная девица, запросто блокируя двери «самостраховками» из репшнуров и карабинов.

В общем, хулиганские безобразия творились такие, что и «покойник возмутится». Конечно, на подсознательном уровне существовало глубочайшее непонимание между людьми, еще находящимися в игривом настроении выходных дней и людьми на работе, в суровых трудовых буднях.

Понятно, что поведение зайцев-хулиганов выводило из себя не только несчастных контролеров, но и их высокое начальство. А оно в духе того времени устраивало «компании по борьбе», «месячники („месячные“!) контроля», рейды и облавы с привлечением транспортной милиции...

Так, в частности, решили «взять в оборот» целый вагон наглых бродяг, о безобразном поведении которых контролеры сообщили через машиниста на Финляндский вокзал.

– Что, контролеров в вагон не пускают? Какой вагон? Пятый? Остановите поезд на своем пути перед вокзалом, мы им подготовим «встречу».

Электричка встала, не дойдя несколько сот метров до вокзала, где шли неспешные приготовления к облаве: перрон заблокировали, а для оцепления «мятежного» пятого вагона готовили особо усиленный наряд контролеров с милицией. Но быстро «повернуться на „вздрычку“ не успели.

А «мятежный» вагон «зайцев» уныло притих в ожидании расправы в остановленной электричке. Грустно притихли и «буйные вожаки». До всех стал доходить и смысл остановки, и смысл ранее услышанных угроз контролеров. Поняли, что на перроне ждут «пытки» и «казни» в виде штрафов и милицейских актов за мелкое хулиганство. Вагон превратился в «камеру временно задержанных», поскольку сбежать в соседние вагоны не представлялось возможным, – они тоже были переполнены.

И тут в компании объявился тот, кого мы назовем «Мазаем», – ангелом-спасителем «зайцев» по аналогии с сюжетом известной поэмы Некрасова. С сиденья решительно поднялся невысокий, но плотный, коренастый мужичок:

– Чё ждете, ядрена вошь? Когда с милицией придут, и штрафы начнут выколачивать, как пыль из матрасов? А ну-ка!..

Подойдя к двери, схватился за одну половинку руками, уперся в выступ другой половины ногой и приоткрыл

дверь. Стоявшие рядом мужички быстро «ухватили идею» и створки двери, раздвинули их совсем и стали держать, пока остальные «зайцы», прихватив рюкзаки и детей, посыпались из выхода, как горох. Общая беда сплачивает: народ проявил необычайную дисциплинированность и взаимопомощь при высадке. При полном отсутствии давки, толкотни, ругани, и при наличии эффективной взаимопомощи вагон опорожни-ли за полторы-две минуты. Бежали все, – даже те, у кого би-леты были, бежали по принципу: «все побежали, и я побе-жал». Настолько быстро, что на вокзале никто ничего не за-метил.

Далее через щели в заборах и лесенки перронов вся беглая «компания» быстро распалась и растворилась в толпах вок-зала, метро и городских кварталах. Но сбежали так не все, – часть осталась с интересом наблюдать с перронов, «а что же будет дальше».

«Встреча», наконец, была подготовлена «по всей форме». Когда поезд подали к вокзалу, вагон был тут же оцеплен и блокирован милицией и контролерами. Каково же было их удивление, когда они увидели совершенно пустой вагон, а из открытых дверей вышел всего один пассажир, – тот самый «плотненький» Мазай. Диалог с Мазаем вышел очень корот-ким:

– А чё?

– А чё?... Ни чё!..

И Мазай спокойно протопал по перрону мимо контроле-

ров.

Они же, растерявшись, даже не спросили у него билет, хотя билет-то у него был, проверки он не боялся. Возможно, именно это и помогло ему не растеряться и стать спасителем целого вагона железнодорожных «зайцев», часть из которых давилась от смеха, наблюдая завершающую сцену с соседних перронов. При этом и восхищаясь мудростью Мазая, и воздавая хвалу неповоротливости начальства. Последняя кому-то нож острый, а кому-то «палочка-выручалочка». При наличии Мазая!

«Старая сказка сбудется вновь!..»

Написано по рассказу Соболева А.Н. 13–14.02.2003 г.

Е.В. Буянов

«КПЗ»

(Туристские истории)

На большие скалы Ястребиного озера наша компания горных туристов ездила тренироваться, оформив через станцию Кузнечное коллективные пропуска в погранзону и совершая подход по лесу за 3 часа «с гаком» (или через поселок Богатыри за 4 часа). Более короткой была дорога от следующей станции Куликово, но здесь пограничное начальство не пропускало. Однажды (в конце 70-х) все же рискнули проехать до Куликово, но ночью ошиблись, и вышли еще на остановку дальше, – в Хиитоле. Здесь сразу были перехвачены пограничным нарядом и отведены в «камеру временно задержанных», которую для солидности мы называли «КПЗ», – камера предварительного заключения. «КВЗ», конечно, так, «мелкотня» и «слякоть» с точки зрения настоящих «зеков». Паспорта и пропуск пограничники сразу отобрали.

Рюкзаки нас заставили сложить в другой комнате, а в «конуре» наша компания из десяти мужиков и трех женщин с трудом разместилась сидя, в ожидании утра «до выяснения», когда появятся офицеры заставы.

Разговоры, конечно, ударились в сторону обсуждения «сроков заключения в „тюряге“ и перспектив содержания „на казенных харчах“. Было ясно, что до „харчевни“ доберемся не скоро. По площади мы имели 1 кв. метр на 3–4 человек, – заметно меньше, чем на кладбище, как заметил один из нас. На каждом внешнем „телодвижении“ нам объясняли на „железном“ военном сленге, что „это не положено“. Вещи с собой – „не положено“. Дверь держать открытой – „не положено“ и т. д. Потому разговоры меж собой велись такие:

– Пришло наше время... После пионерских и туристских лагерей получить опыт лагерей «общего содержания»!

– Да, потом будем за водкой вспоминать, как «сидели вместе».

– Все «не положено», да «не положено»! Ни спальников, ни закуся!

– Положено!.. А что, нам вообще-то что-то «положено»?

– Ни хрена нам не положено, пока мы положены в эту комнату!

– Нам остается только «положиться» друг на друга.

– Да, в такой тесноте ничего другого не остается.

– А комнатуля по площади, как две «памирки». Полный комфорт по туристским меркам.

– Может, потренируемся? Полазаем по стенкам. Можно и в распор, если кого-нибудь приложить к стенке в качестве прокладки.

– Чтоб за следы ботинок на потолке сразу морду набили?

А потом назначили полный курс устава гарнизонной и караульной службы с экзаменом для усушки мозгов?..

Меж тем, в комнату «ввалили» еще двух задержанных, — пьяниц в очень «веселом» состоянии. Я полагал, что их должны бы были «для порядка» хотя бы чуть-чуть обыскать, но ничуть не бывало. Один из них с восторженной улыбкой тут же вытащил из-за пазухи слегка початую бутылку «Столичной» и предложил всем «добавить» с ним «из горла за компанию». Его физиономия сияла, — мы поняли, что он здесь завсегдатай, и «весь при счастье» в таком состоянии. Пить в КПЗ ему оказалось вполне «положено» и он «надрался до портянки». Другой же сразу растянулся на полу и отключился, лишив нас значительной части драгоценной жилплощади. К счастью они были «крепенькие», — из них ничего не выливалось наружу. Правда, второго вскоре куда-то увели: видимо, отпустили как «старого знакомого», либо постеснялись держать с нами. Пить мы, конечно, отказались, но часть веселости и «свободы духа» от пьяницы передалась и нам. Шуточки «лузгали», как семечки.

«Отягчающим» обстоятельством для нас было то, что в коллективном пропуске значилась Галина С., а вместо нее мы взяли Татьяну П., но предъявили паспорт Галины. Поэтому мы стали усиленно «ломать голову», вспоминая паспортные данные Галины, чтобы «накачать» ими Татьяну для ответов на «допросе». Было загадкой, обнаружат ли офицеры несходство фотографий (не столь уж явное) «на лице»

и в паспорте. По этому признаку лже-Галину вполне можно задержать, как «шпионку», а всю нашу компанию из 13 человек еще на трое суток «до выяснения» с более крупным начальством, когда оно проспится после пьянки в выходные. Перспективы были туманные... Оставлять товарища, тем более женщину, здесь, в беде, мы не намеревались. И морально готовились «забастовать» все, если «погранцы» вздумают кого-то задержать. Думалось, что с такой многочисленной «шарагой» они не захотят связываться надолго. Мы могли потребовать и кормежки, и более сносных постельных условий. По этому поводу стали пытаться вспомнить, каковы права заключенных, но об этом наша интеллигентная компания инженеров и научных работников имела весьма скудный запас знаний. Поколению отцов мы явно уступали. Пришли к выводу, что прав у нас никаких: скажут, что «заключенными» мы не являемся. Просто отпускать «не положено», кормить «не положено», а «положено» только в туалет под конвоем...

Руководитель группы и секции, Гарик Худницкий, бывший и начальником крупного отдела в нашем «КБ без вывески» прикинул, к кому и какая приедет «телега» («бумага»), и как ее «тормознуть» через инстанции. Некоторый опыт на сей счет имелся, и тихие административные похороны «телеге» были обеспечены.

Утром каждого отвели на краткое «собеседование» к начальнику погранзаставы. Особо напряглись, когда увели

Татьяну, лже-Галину. Остальные «наши» были чисты, как «стеклышки». Все прошло гладко: офицеры то ли не заметили разницу, то ли просто не захотели раздувать пустяк до шпионского романа. После 8 часов «отсидки» оформили акт и выпустили с разрешением ехать «по назначению» через Кузнечное.

На станции нас ждал интересный спектакль с участием «нашего» пьяницы из КПЗ. Как он «брал» вагон свободным лазанием на четвереньках без страховки, надо было видеть! Третья попытка оказалась удачной, – вершина была взята. Видимо, он счастливо заснул в коридоре вагона под стук колес, и проснулся уже за Петрозаводском. Мы, правда, не были четко уверены, в том ли направлении он уехал...

Со сладким чувством свободы поехали обратно, до Кузнечного. После 8 часов «отсидки» и 4 часов марша по лесу с тяжелыми рюкзаками наши выносливые женщины-лыжницы валились с ног. Сказывалась не только физическая, но и моральная усталость. Но никто не ныл, только шуточки приутихли, «зековские» темы стали надоедать. Пока сготовили плотный ужин, наступила темнота. Кто-то устало лег спать, а кто-то подсел к костру со сладким чувством свободы, как будто сбежал из плена. Соседи—студенты пели забавные песни. Запомнилась одна, – про ковбоя, который подбирал себе по цвету, дизайну, весу и размеру все «для ночных скаканий, ночных стрельаний»: и винчестер, и седло, и жеребца, и девицу. И ради хорошего их качества был готов

на все, «даже на убийство, например...» Тематика песни была очень созвучна настроению. Такой концерт после «отсидки» пришелся очень кстати.

Так мы «прошли КПЗ», как через элемент «горной стихии» и элемент глупости высокого пограничного начальства, не позволявшего туристам передвигаться по пропускам в 30 км от границы. Сами, конечно, тоже виноваты, «прокололись». Совет же и вывод здесь один: если что случится, держаться надо вместе и не позволять никого «отрывать» от коллектива, или кому-то «отрываться». Выпьем «за птичку, которую жалко». Чтобы не повторять ее ошибку! Легендарную ошибку Икара, – надо видеть «истоки»!..

14.02.2003 г.

«Ош-билетчивание»

Процесс обретения обратных билетов от Оша до Ташкента, и далее – до Москвы и Ленинграда поначалу шел с немалыми затруднениями в те августовские дни 1980-го, после памирского похода по Заалаю.

Первая, прямая атака на кассу аэропорта, не внушала особых надежд на успех. Одному из наших, Володе, надо было вернуться домой по служебным делам очень срочно, и на коллективном совете его решили отправить андижанским поездом до Ташкента. Думали, что «в ночку, в одиночку» он сумеет пробиться быстрее...

На вокзале Володю тепло проводили, а сами уселись поспешать о дальнейших действиях. Каково же было общее удивление, когда минут через пятнадцать Володя вернулся в наш дружный коллектив! Бывают же такие радостные встречи! Володю неверно проинформировали, и он сел не в тот поезд. И эта ситуация вызвала у всей группы приступ фее-рического веселья. Это же какой повод появился для новой серии шуток, подкалываний и коллективных издевательств над обстоятельствами, в которых мы оказались. Интересно: прощание с товарищем вызвало немалую грусть, а его возвращение явилось как-бы неожиданным подарком судьбы. Надо уметь посмеяться над негативными обстоятельствами, и тогда они сразу изменятся. Сначала в душе, а потом и в де-

лах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.